САРГАССОВО МОРЕ

Саргассово море – тупик акваторий.
Саргассово море – матросское горе.

Глубины его отнимают отвагу –
Пора отдыхать эхолоту и лагу.

Бермудские тайны раскрыть интересно,
Под нами внизу Маракотова бездна!

Напрасная трата матросских мучений –
Завиты жгуты трех гигантских течений.

Тут Левиафан из пучины вздымался,
Бугристыми кольцами бил-извивался.

Обитель угрей, ламинарий тенета,
Предерзкой душе не хватает полета!

И нет берегов, и не слышно прибоя,
Плавучих саргассов скопленье живое.

Приют кораблей, потерявших ветрила,
Кого сюда роком судьба ни носила!

Оно у пиратов давно не в фаворе –
Саргассово море, что шапка на воре...

То – штилем, то затхлостью изнемогая,
Охвачено зыбью от края до края.

И молят о бреге и твердой опоре –
В Саргассовом море, в загадочном море!

БЕЛУХА

Белее лебяжьего пуха,
Не ставя себя напоказ,
Сияет вершиной Белуха,
Слезу выжимая из глаз.

Царицей на горной арене
Качает веков колыбель,
Где вмерзли в ледовой морене
Скопления цирков досель.

Не тронет радара и уха
Кометы беззвучный салют,
Парение горнего духа,
Подлунных гольцов Абсолют.

Медведицей белою бродит
В завесе косматой пурги...
С Белухи пошло – Беловодье,
Сибири святые «белки».

И разве имеет значенье,
Кто крик изумленья исторг?
Хранит Пантеон покоренья
Не только победный восторг...

Нависшие глыбы базальта
Грозятся обрушить карниз...
Не проще в обкатанных Альпах
Себя испытать, альпинист?

Неведомой полнится дрожью
Хрустальный голец-исполин...
Туман выстилает к подножью
Руно воплощенных былин.

И краски земные бессильны
Изменчивый лик донести –
Вселенский Гонец и Посыльный
К тебе еще на полпути.

Молитвенно стынут отроги...
Напрасно её не буди,
Когда затихают истоки –
Припав к материнской груди.

Тут все, что житейское, – мелко
С времен откровений Творца.
Беснуется компаса стрелка,
И холод вползает в сердца.

Прессуя до грозного гула
Обветренный камень и снег,
Лавиной Белуха дохнула:
– Со мной не шути, человек!

Промолвила будто бы глухо,
И вздрогнули долы окрест:
С высот непокорного духа –
Рукою подать до небес.

ТАК СЛУЧИЛОСЬ – ВЗДРОГНУЛА СТРАНА...

Так случилось – вздрогнула страна,
И не замыкание в проводке:
Офицеры высшего звена –
Свой отсек задраили в подлодке...

СЫН РАДУГИ

Мелькнув из клубящихся тучек,
Притом семи-цветик сиял,
Сын Радуги, радужный Лучик,
Впервые на землю попал.

И мир, что был мрачен, очнулся,
Утратил вдруг серую злость,
И все, к чему он прикоснулся, –
Внезапно цветами зажглось.

И лица людские смягчились,
Улыбками вдруг расцвели,
И люди людьми становились –
За ним, несмышленым, пошли...

ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ ПРИТАБУНЬ...

Грозовые тучи притабунь,
Оплети протокою-косою!
Обжигает ледяной красою –
Сердце покорившая Катунь...

МОГЛИ БЫ ЖИТЬ...

В глазах Рубцова видел он аврал,
Не мог поэт угодничать, лукавить...
Зачем, Байкал, Вампилова забрал –
Могли бы жить и вещим словом править.

ГРУППА ДЯТЛОВА

Там пурга третий день хороводит,
И никто еще не погибал:
Группа Дятлова нынче уходит
Покорять Приполярный Урал.

Прочен группы состав. Аргументы:
Пара служащих, некто Семен,
Молодые ребята, студенты,
Двое девушек... Девять имен.

Коим боком я тайну задену?
В путь уводит романтики пыл,
К той «Горе мертвецов», Отортену,
По прозванию Холат-Сяхыл.

А за ними костлявая, следом,
Под полою припрятав косу...
Супротивник незрим и неведом –
Затаился в сугробах, в лесу.

И поставить палатку спешили,
Лютый холод нагорья накрыл.
И когда уж ко сну отходили –
Ужас выслала Холат-Сяхыл.

Дух лесов грозен бурей суровой,
Словно спички ломает стволы...
Сорни-Эква и Менкв трехметровый
Подобрались завесою мглы?

Остается лишь строить догадки,
Что туристам могло угрожать
И заставило всех, без оглядки,
Необутых, столь спешно бежать?

К этой версии стоит вернуться,
Тех злодеев не в (!) скобки берем:
Привелось всей девятке столкнуться
С беспощадным двуногим зверьем?

Но – обмотка армейская, пояс,
Чьи-то ножны – вот фактор беды.
Кто, во мраке заведомо кроясь –
Уничтожил и спрятал следы?

Кто же ноги обуглил студентам,
Отыскал, погубил беглецов!?
Утвердилась у манси легенда:
Забрала их «Гора мертвецов».

Ой вы, девичьи ясные очи!
О любви не домолвил язык...
Люты жуткие демоны ночи –
Оборвался пронзительный вскрик!

Спины горбит, увы, не сутулость, –
Ожиданию вышел предел:
Группа Дятлова, нет, не вернулась,
Ненароком один уцелел.

Не подвержен ничуть суеверью...
Только близкие это простят?
Что погибли мучительной смертью,
Утаили тогда в новостях...

ПИСЬМЕНА

Ладья моя, ковчег обетованный,
Куда стремишь свой одинокий бег?
Мне промысел дарован, Богом данный,
А я всего лишь смертный человек.

Там свет сияет, нестерпимый зрению,
И воспарить туда душой легко,
И ангелов возвышенное пенье –
Доносится до слуха моего.

И не гнетут уже судьбы вериги,
И не страшны удары и тычки –
Коль письменами Голубиной книги
Наполнились единожды зрачки.

МАТЬ-АЗИЯ, ТВОЯ РАСКОСОСТЬ...

Мать-Азия, твоя раскосость
Прекраснее иных щедрот!
Краса и внешняя неброскость,
Сибиряка скупая гордость –
Ты мне опора и оплот...

ЕВПАТИЙ МОЛНИЕНОСНЫЙ

Надежно
На Руси
У врат –
Стоял
Евпатий
Коловрат.

Коломна
Помнит
И Рязань –
Ты не платил
Поганым
Дань.

Вставай, народ,
Борись, не трусь –
За всю поруганную
Русь!

На чаше
Праведных весов
Всего-то
Горстка храбрецов...

И в панику
Вогнял врагов
Разящий взблеск
Из двух клинков!

Батыя
В хвост
И гриву бил
И Хоставрула
Победил!

Туменов
Рассекало тьму –
Непостижимое уму!

Крошили
Степняков
В куски
Молниеносные
Броски!

И лишь баллиста,
Камнемет,
Внесли
Погибельный исход.

Скуластый хан
Был изумлен –
Воздал герою
Почесть он...

Евпатий!
Вновь
Тебя зовет
Дружина
В тысячу
Семьсот.

С душой ребенка,
Львом – в отца
Стучишь доныне
Нам в сердца.

ГДЕ ТУМАН ЗАВИЛ КОЛЕЧКИ...

Где туман завил колечки,
И русалочьи цветы –
На мосток, у тихой речки
Приходила часто ты.

Лилию в руке держала,
Заводь тихую любя.
Жилка тонкая дрожала
На запястье у тебя...

ЛОВЛЮ ПРОЛЕТАЮЩИЙ СВЕТ...

Приткнувшись к подножьям бессонниц,
Мощу в изголовье картон,
Заслышав таинственных звонниц
Немолчный, погибельный звон.

И, шут средь дурных декораций,
Ловлю пролетающий свет,
И желтые рясы акаций
Плывут, колыхаясь, в Тибет.

Бессонье, бездомье, бездонье,
Нависли, свисают, висят...
И слизи житейской одонья
Провалами ртов голосят.

И я отзываюсь глухими,
Глухими толчками крови:
Я – ваш, я – ничей, я – безымен,
Но все же меня назови...

ЗАШВЫРНУСЬ ЗА ГЛУХИЕ СТОГА...

Зашвырнусь за глухие стога
К позабытым в ночи перелескам,
Где росою вспоил луга
Вздох озерный... С дремотным всплеском,

Где осока махнула в рост,
Процедив веретье тумана...
Ночи исповедь. Россыпь звезд.
И полоска зари – как рана.

Пробужденье стремясь продлить
В сладковатом – до хруста – стоне,
Входят в красное озеро пить
Родниковые струи кони.

Колокольчик зайдется в звоне –
Благовест и предвестник дня...
Выгнув шеи, пасутся кони,
Гривы спутанные склоня.

АВТОБУС УХОДИЛ НА МАНЖЕРОК...

Напористый бросался ветерок.
Подрагивали города предместья.
Автобус уходил на Манжерок,
Разбрызгивая талые созвездья.

Звала дорога. Широко текла,
Живым, почти осмысленным созданьем.
А бокового вида зеркала
Частили кадры жизни с опозданьем.

Деталями развихренный сюжет,
Как некий бы чудил киномеханик,
Катил тележку в ниоткуда дед,
Босой парнишка на ходу грыз пряник.

Иссиня-черным застилая свет,
Росла завеса грозового фронта.
Подпрыгивал чертенок-амулет,
Отталкивая кромку горизонта.

Так выпадало времени звено...
День искаженно преломлялся в вечер.
Семнадцать судеб – целое одно,
В единые перерастали плечи.

Стеною ливня тракт заволокло.
Стихия разразилась беспредельно.
И ветровое плавилось стекло
В мозаике огней «Святого Эльма».

Шофер зевал, не разевая рта,
И «дворник» от бессилья падал косо...
Никто не знал, что близится черта,
Та, что от тверди оторвет колеса.

В КАЖДУЮ ДУШУ ЗАБЛУДШУЮ...

Правлю строку непослушную
И не пролью тут елея:
В каждую душу заблудшую
Смотрит Господь, сожалея...